

— А? — Линь Чэнбу опешил. Ему показалось, что помимо Юань Шэня дедушка с бабушкой тоже были теми, кто оказывал на Юань У огромное психологическое давление, и он немного забеспокоился.

— Всё в порядке, — сказал Юань У. — Мне плевать, как они к этому отнесутся, я всё равно уже привык. Просто хочется покончить с этим раз и навсегда, чтобы их больше не было в моей жизни... Конечно, совсем вычеркнуть их нереально, но хотя бы... чтобы всё, что с ними связано, больше мне не мешало.

Линь Чэнбу промолчал, лишь кивнул.

Эти слова Юань У не были похожи на разговор с самим собой, но Линь Чэнбу чувствовал, что тот произносит их скорее для собственного успокоения.

Что пережил Юань У за то время, что прошло с того дня, как он разбередил свои раны в баре, знал только он сам. Даже доктор Лян вряд ли понимал всё до конца.

Раньше Линь Чэнбу казалось, что Юань У только и делает, что убегает от проблем. В пылу раздражения ему даже хотелось обозвать его ничтожеством. Но теперь, узнав хоть немного о его прошлом, он понимал: то, что Юань У сумел сделать этот шаг, уже было огромным достижением.

— Знаешь, — Юань У неторопливо брал со стола одну вещь за другой и, как следует рассмотрев, большей частью возвращал на место, — мы с Юань Шэнем никогда не были близки. По крайней мере, мне так не казалось.

— Наверное, потому что в детстве почти не жили вместе? — предположил Линь Чэнбу.

— Возможно. Говорили, что у него была травма мозга, но мне кажется, у меня с головой тоже не всё ладно. Моё самое раннее воспоминание — это как мы поменялись именами, — Юань У усмехнулся и убрал в коробку для вещей фотографию, которая лежала между страниц книги. — А до этого — сплошной провал. Наверное, там и вспоминать-то было нечего.

— А моё самое первое воспоминание — как я описался в детском саду, и воспитательница в наказание заставила меня стоять на стуле перед всей группой, — хмыкнул Линь Чэнбу. — Сердце тогда просто вдребезги разлетелось.

Юань У оглянулся на него:

— С голым задом, что ли?

— Ну а как же! Штаны взмокли, воспитательница их сняла, а пока ходила за чистыми, взгромодила меня на этот стул, — вздохнул Линь Чэнбу. — Ощущения были примерно те же, что и когда соседская бабка от нечего делать без конца щелкала меня по пипиське.

Юань У стоял к нему спиной, упершись руками в стол, и молчал.

Линь Чэнбу какое-то время посверлил взглядом его плечи:

— Ты что, смеешься?

— Ага, — отозвался Юань У, и в его голосе действительно послышался смешок.

— Ну так смейся в голос, чего уж там, — разрешил Линь Чэнбу.

— Да я просто боюсь тебя совсем ранить, если буду постоянно над тобой ржать, — ответил Юань У.

— Как будто ты меня мало ранил, — Линь Чэнбу потушил сигарету. — Ладно, хоть улыбнулся, и то хлеб.

Юань У немного посмеялся и вернулся к уборке. Вещи на столе он почти не тронул: взял лишь пару ручек, фотографию и новенький на вид блокнот.

В комнате Юань Шэня царил жуткий беспорядок, но вещей на самом деле было немного — просто они валялись как попало.

Линь Чэнбу наблюдал, как Юань У складывает всё в коробку. Помимо той мелочи со стола, туда почти ничего не отправилось: складной веер с дивана да напульсник из выдвижного ящика...

Он подошел ближе, чтобы рассмотреть веер. Тот был угольно-черным и выглядел довольно стильно. На нем серебряной тушью были выведены иероглифы, но написаны они были настолько неразборчивой скорописью, что Линь Чэнбу ничего не смог разобрать.

— Это мой веер, — Юань У забрал его и пару раз обмахнулся. — Ну как?

— ...Ты что, пользуешься такими дедовскими веерами? — удивился Линь Чэнбу.

— Ему уже куча лет, — Юань У с громким щелчком захлопнул веер, а затем резким движением кисти вновь раскрыл его. — Это из того, что мне нравилось до того, как я сменил стиль.

— А какой у тебя был стиль до этого? — с любопытством спросил Линь Чэнбу.

— Традиционные рубахи-гуацзы и черные тряпичные туфли, — Юань У положил веер в коробку. — Ну, знаешь, такие дедовские тапочки. Ужасно удобные.

— О-о... — Линь Чэнбу уставился на него. — Жаль, я не знал тебя тогда.

— М? — Юань У покосился на него.

— Такой тру-дедовский прикид вообще не в моём вкусе, — хмыкнул Линь Чэнбу и вздохнул с легкой грустью: — Будь ты тогда в таком виде, мне бы не пришлось мучиться с тобой все эти годы.

— Чувствуешь себя обделенным, да? — спросил Юань У.

— Да нет. Если бы я действительно считал, что остался в минусе, я бы так себя не вел. Я хоть и выгляжу дураком, но не такой уж глупый, — Линь Чэнбу улыбнулся и откинул голову на спинку дивана. — Просто понимаешь, ты мне понравился чисто интуитивно. А значит, у меня к тебе настоящие чувства. Возможно, шаркай ты в своих дедовских тапочках, я всё равно бы в тебя влюбился. А будь ты девушкой, я бы, глядишь, уже продолжил род Линей.

Юань У какое-то время молча смотрел на него, а затем повернулся и продолжил неторопливо собирать вещи:

— Сяохуа.

— ...Это ты мне? — опешил Линь Чэнбу. — Что еще за Сяохуа?

— Иегова-Сяохуа, — ответил Юань У.

— Твою же мать, — Линь Чэнбу потерял дар речи. — Ты никак не успокоишься, да? Всё из-за этого Иеговы?

— Ты сам так назвался, — Юань У опустил в коробку книгу. — Не я это придумал... Кстати, скоро я тебе кое-что подарю. Наверное.

— Правда? — Линь Чэнбу тут же вскочил с дивана. — А что это? И с чего вдруг подарки? Ни праздника же, ни повода.

— Я же сказал: «наверное», «может быть», — отозвался Юань У. — «Возможно», «как вариант»...

— Слушай, — хмыкнул Линь Чэнбу, — если не хочешь ничего дарить, не мучайся. Я от тебя ничего и не жду, честно. На тебя смотреть больно, мне аж самому за тебя неловко.

— Ладно-ладно, точно подарю, — Юань У похлопал его по плечу.

— Да что это всё-таки такое? — Линь Чэнбу тенью последовал за ним. — И почему ты решил сделать подарок?

— Не замолчишь — вообще ничего не получишь, — предупредил Юань У.

Линь Чэнбу пулей вернулся на диван и закурил.

Юань У провозился больше часа, собирая то, что хотел забрать, в коробку.

— Готово, — сказал он. — Пошли.

— Давай помогу с коробкой, — Линь Чэнбу тут же вскочил и окинул взглядом комнату, которая внешне почти не изменилась. — И что ты туда положил? Совсем же ничего не взял.

— Угу, — Юань У, казалось, немного устал. Он глухо отозвался и вышел из комнаты. — Ключи на столе, запири дверь, пожалуйста.

— Ладно, — Линь Чэнбу забрал ключи, ухватился за коробку обеими руками, рванул её вверх и тут же вскрикнул:

— Ой!

Коробка оказалась практически невесомой. Он приложил слишком много усилий и от неожиданности едва не потянул поясницу.

Юань У не стал садиться в машину. Он привалился к капоту, держа в зубах неподожженную сигарету, и лениво наблюдал за курами, разгуливающими по траве.

— И зачем я только тащил такую бандуру? — Линь Чэнбу подошел ближе и щелкнул зажигалкой, помогая Юань У прикурить. — Твои пожитки легко бы поместились в обычную обувную коробку.

— Забирать больше нечего, — Юань У выпустил струйку дыма. — Да и это всё когда-то Юань Шэнь у меня утащил.

— То есть это всё твои вещи? — удивился Линь Чэнбу. — А я думал, ты хочешь взять что-то из его вещей на память.

— Нет, нам с Юань Шэнем нечего хранить на память друг о друге, — Юань У проводил взглядом тающий дым. — Он всю жизнь был несчастлив, да и я тоже. Между такими братьями не должно оставаться никаких памятных сувениров.

— Ну, главное, чтобы тебе самому так было легче, — Линь Чэнбу несильно пнул колесо машины. — Но всё же... всё же...

— Опять заладил, — Юань У покосился на него. — Тебя в детстве били каждый раз, когда ты пытался что-то сказать? Откуда эти вечные запинки?

— Да пошел ты, — рассмеялся Линь Чэнбу. — Я просто хотел сказать: ты только не вздумай решить, будто между нами нет ничего памятного. Даже если бы между нами ничего не произошло...

— Произошло очень многое, — Юань У затаился, затушил окурок и выбросил его в стоящую рядом урну. — Я ничего не забуду. Буду помнить всю жизнь.

— Правда? — Линь Чэнбу внимательно посмотрел на него.

— Я что, кажусь тебе настолько бездушным? — Юань У открыл пассажирскую дверцу и сел в салон.

— Просто волнуюсь, — Линь Чэнбу тоже сел на водительское место. — Я-то готов вспоминать нас с тобой до самой старости, но всегда боюсь, что человеку, о котором я беспрестанно думаю, обо мне и вспомнить будет нечего.

— Слушай меня, Сяохуа, — Юань У серьезно посмотрел на него. — Если бы ты ухлестывал за кем-то другим, с твоим-то талантом заливать про вечную любовь любая крепость пала бы максимум за месяц.

— Это не просто «красивые слова», — Линь Чэнбу нахмурился и завел мотор. — Кому-то другому я бы в жизни такого не сказал. Запомни раз и навсегда: я говорю это только тебе.

Юань У ничего не ответил.

— И вообще, всяких там «Иегов» я еще готов терпеть, но если ты еще хоть раз назовешь меня Сяохуа — я не на шутку разозлюсь, — добавил Линь Чэнбу. — Не думай, что у меня терпение безграничное.

— Понял-понял, — с улыбкой кивнул Юань У.